

УДК 338.001.36

**ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В СССР И ГЕРМАНИИ
в 1930-е – начале 1940-х гг.****И.В. Попов**Московский государственный институт международных отношений
(университет)

E-mail: dipc@mgimo.ru

С.В. Голодов

Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова

E-mail: Golodov.SV@rea.ru

Участившиеся в последнее десятилетие попытки некоторых специалистов представить СССР и Германский нацистский рейх как однотипные тоталитарные режимы, как правило, основываются на определенных идеологических и экономических стереотипах. Тенденциозность и политическая ангажированность такого подхода становится очевидной при серьезном анализе исходного материала. В данной статье авторы оценивают правомерность использования определения «тоталитарный режим» применительно к СССР и Германии до Второй мировой войны. Дается сравнительный анализ процессов экономической модернизации, структурных изменений производственного комплекса двух стран. Признавая некоторые элементы формального сходства в их экономическом развитии, статья указывает на коренные различия как в идеологии, так и в целях экономических преобразований, предпринятых в указанный период авторитарными политическими режимами двух государств. На основе такого анализа авторы приходят к ряду актуальных на сегодня выводов.

Ключевые слова: тоталитаризм, авторитарный режим, национал-социализм, советский экспансионизм, модернизация, индустриализация, милитаризация экономики.

**ECONOMIC TRANSFORMATIONS IN THE SOVIET UNION
AND GERMANY THROUGHOUT THE 1930S AND EARLY 1940S****I. V. Popov**

Moscow State Institute of International Relations (University)

E-mail: dipc@mgimo.ru

S. V. Golodov

Plekhanov Russian University of Economics

E-mail: Golodov.SV@rea.ru

The attempts of some experts, which have become more frequent during the last decade, to present the USSR and the Third Reich as similar totalitarian regimes, as a rule, are based on certain ideological and economic stereotypes. In this article, the authors evaluate the legitimacy of using the definition of «totalitarian regime» applied to the Soviet Union and Germany before the Second World War. Comparative analysis of the economic modernization is given. Recognizing some similar elements in their economic development, the authors review fundamental differences, both in the ideology and purposes of economic reforms. Based on this analysis, the authors come to a number of topical conclusions.

Keywords: totalitarianism, authoritarian regime, National Socialism, Soviet expansionism, modernization, industrialization, militarization of the economy.

Недавнее обострение отношений между Западом и Россией способствует активизации дискуссии экспертов с обеих сторон по поводу политических и экономических истоков конфликта, который, по мнению некоторых из них, постоянно присутствует в отношениях России с Западом. Эта напряженность берет начало с тех пор, как Россия заявила о себе как о великой европейской, а потом и мировой державе. В рамках дискуссии западные и российские специалисты, придерживающиеся либеральных позиций, активно эксплуатируют особенности развития России в XX в. для подкрепления тезиса о «тоталитарном» характере советского социально-политического наследия современной России. Соответственно этот тезис создает основу для активного продвижения известного стереотипа, суть которого сводится к тождественности так называемых «тоталитарных» режимов и далее для прямых сравнений СССР/России с нацистским режимом Германии и другими одиозными государствами фашистского толка.

Прежде всего, авторы исходят из очевидного для них факта, что идеологические корни советского и нацистского режимов диаметрально противоположны. Коммунизм как позитивная идеология берет свои истоки из идей Просвещения, материализованных Французской революцией. При всех радикальных вывихах коммунистической теории в XX в. и даже с учетом серьезной деформации коммунистического проекта в ходе реализации практического эксперимента с построением социализма в одной стране советский режим объективно имел гуманистическую базу.

Говорить о нацизме как о режиме, опиравшемся на разработанную идеологическую базу, не приходится. Известно, что Гитлер намеревался создать «теорию» Третьего рейха только после победоносного завершения войны. В целом представляется непреложным фактом, что нацизм опирался на весьма скудную теоретическую базу и не имел в своих рядах мало-мальски выдающихся интеллектуалов, которые открыто претендовали бы на роль идеологов режима. Не нуждается в комментариях и примитивный интеллектуальный уровень «Майн кампф». Вместе с тем нельзя не согласиться с Э. Нольте, что идеологической базой для Гитлера стала расовая доктрина, сформированная тремя авторами: Ж.А. де Гобино, Ж. Ваше де Лапужем и Х.С. Чемберленом [2, с. 290]. При этом Э. Нольте уверен, что Гитлер воспринял идеи этих авторов через публицистические агитки, распространенные в те времена в Германии, и эффективно взял их на вооружение. Важно подчеркнуть, что основы расовой доктрины, принятой на вооружение нацизмом, интерпретируются в том числе и западной либеральной мыслью как реакция ультраконсерваторов на идеи Французской революции. Исходя из этого не вызывает сомнения антагонизм идейных источников формирования политической программы двух режимов.

Также не оставляет сомнений противоположность социальных основ российского коммунизма и германского нацизма. Если большевики изначально опирались на промышленный и сельский пролетариат, то нацизм рос, опираясь на люмпенизированную мелкую и среднюю буржуазию города и села. Соответствующим образом формировалась и политическая платформа советских коммунистов и немецких нацистов. Социалистический мотив возникает у нацистов конъюнктурно. Происходит это благодаря Г. Штрассеру (в момент, когда Гитлер оказался в тюрьме) и служит

задаче закрепления нацизма на севере Германии после провала в Баварии. Для Гитлера социалистическое содержание нацистской программы было пустым звуком. Не случайно Г. Штрассер был уничтожен в «ночь длинных ножей», когда Гитлер и его ближайшее окружение расправились с Э. Ремом и другими руководителями штурмовых отрядов и окончательно консолидировали власть фюрера. Нельзя также забывать о том очевидном факте, что «социализация» немецкой экономики была фиктивной и руководство крупнейшими промышленными предприятиями и концернами Германии, по сути, осталось в руках частных собственников.

Конъюнктурность «социалистического мотива» в программе нацистов подтверждает и другую важную мысль. Нацизм, как и итальянский фашизм и другие подобные им политические движения в Европе 20–30-х гг., развивались и получали поддержку властей преобладающих именно как эффективный противовес коммунистическому движению. Поэтому невозможно принять позицию Э. Нольте, приписывающего фашизму, в широком смысле этого термина, «эпохальность», т.е. доминирующую идеологическую роль в Европе после 1918 г. При некоторой политической субъективности известного определения фашизма, данного Коминтерном, именно оно наиболее точно отражает сущность этого мощного и деструктивного движения в межвоенной Европе, отводя ему роль ударного отряда капиталистической Европы, возникающего как защитная реакция на коммунистическую угрозу с Востока.

Важно отметить, что недобросовестные критики коммунизма оставляют без внимания очевидные различия в целях государственной политики нацистской Германии и сталинского СССР. Гитлер и его сообщники шли к консолидации немецкого общества на надклассовой основе через утверждение принципов расовой чистоты, физического устранения неполноценных членов общества. Процветание немцам было обещано за счет экспансии вовне, прежде всего, на земли славянских «недочеловеков». По сути, это своеобразный аморальный «социализм» для немцев за счет других народов и через использование их рабского труда. Объективная оценка истории Европы в межвоенный период показывает, что именно устремление нацистов на Восток против коммунистической угрозы СССР, при отсутствии структурных социально-экономических антагонизмов, так привлекало западные «демократии» и тешило их надеждой договориться с Гитлером.

Так называемый «советский экспансионизм», конечно, не является выдумкой западных либералов. Совершая социалистическую революцию в России, большевики планировали ее распространение на все развитые капиталистические страны Европы и мира. Однако с переходом к строительству социализма в одной отдельно взятой стране – СССР – Сталин и его сподвижники столкнулись с громадным противоречием: интересы советского государства прямо расходились с интересами экспорта революции. В этих условиях выбор Сталина был в пользу сохранения государства за счет отказа от открытой деятельности по экспорту революции. С течением времени СССР полностью отказался от идеи экспорта революции, реально взяв на вооружение принцип мирного сосуществования. Однако даже в условиях попыток «стимулирования» мировой революции, характерной для внешней политики СССР до начала 1930-х гг., можно ли ставить

на одну доску нацистский экспансионизм с советским? Вопрос – риторический. Интернационализм, равенство народов и рас, гендерное равноправие, отказ от сословно-классовых перегородок – вот основы государственной политики СССР, в том числе и при Сталине. Что касается сталинского режима, то объективный анализ развития советского общества приводит к мысли о том, что уровень его политического развития был совершенно недостаточен для достижения тотального господства со стороны государства. Иначе говоря, настроения значительной массы советского населения просто не поддавались влиянию коммунистического агитпропа. Об этом свидетельствует и сохранение религиозных верований в советской деревне, и пассивное сопротивление диктатуре партии в городской среде. Не случайно в критические моменты Великой Отечественной войны Сталин обратился к моральной силе Православия, вернул знаки отличия и символы русской дореволюционной армии, дал импульс возрождению патриотического национального чувства русского народа через возврат хотя бы части национальной истории в повседневный обиход.

Таким образом, сталинский режим, по нашему мнению, никоим образом не может характеризоваться как «тоталитарный», причем не только в силу незрелости социально-политических структур общества, но и ввиду сохранения в советском обществе на всем протяжении политической истории СССР латентной, но вполне чувствительной оппозиции коммунистическому режиму. Гитлеровский и в еще большей степени режим Муссолини также не отвечают характеристикам тоталитарности, поскольку нацистам и фашистам не удалось обеспечить тотальное господство своих «идеологических» государств над немецким и итальянским обществами. При этом необходимо признать, что Третий рейх, безусловно, стоял в наибольшем приближении к понятию тоталитарности.

Таким образом, авторы склоняются к мысли о том, что сталинский режим – это жесткая авторитарная диктатура, основанная на культе личности вождя с элементами воспроизводства русской монархической традиции, приобретшем одиозные формы на завершающем этапе своего существования. При этом в течение 1920-х – начале 1930-х гг. режим сохранял оригинальные элементы диктатуры большевистской партии, которая внутри сохраняла элементы коллективного руководства в духе «демократического централизма». Эволюция в сторону жесткого авторитаризма определялась не только и не столько личными качествами вождя, сколько императивом выживания социалистического государства во враждебном капиталистическом окружении. Очевидно также, что эволюцию претерпевал и социально-экономический строй советского государства – от многоукладности переходного периода к государственному капитализму. На этапе непосредственной подготовки к войне 1941–1945 гг. речь шла о типичной мобилизационной экономике, эффективность которой в сравнении с режимами, опиравшимися на частнокапиталистические структуры, значительно усиливалась за счет сильнейшего идеологического фактора, обеспечивавшего веру значительной части трудящихся в то, что советское государство было государством рабочих и крестьян. Германия, потерпевшая поражение в Первой мировой войне, вынужденная выплачивать огромные репарации, была ввергнута в жесточайший финансово-экономический кризис.

Планы стран-победителей по восстановлению экономики Германии чудесным образом еще более усугубляли ее тяжелое положение (план Дауэса, план Янга). Таким образом, перед руководителями страны, перед ее политическими лидерами встала задача экономического реформирования, восстановления экономики, повышения уровня жизни населения. Задача не менее масштабная и трудная стояла и перед руководством СССР. Разница состояла в том, что Германия вступила в XX в. индустриально развитой державой, Российская империя отставала от европейских держав по многим показателям. Дореволюционная Россия была аграрной страной. Ей еще предстояло пережить индустриализацию.

Начало модернизации совпало с нарастающим глобальным финансово-экономическим кризисом. Одна из мощнейших экономик мира – американская рухнула, не выдержав тяжести сделок с ценными бумагами на фондовых биржах США, которые совершались на заемные средства. ФРС разрешала банкам кредитовать клиентов, совершающих сделки с ценными бумагами, без залога. Для выхода из кризиса Соединенным Штатам пришлось применить отнюдь не рыночные методы.

Накануне Первой мировой войны Россия давала примерно 5 % мирового промышленного производства, сравнивая этот показатель с долей населения – 10 % от мирового, делаем вывод о том, что уровень промышленного развития был невысоким. В аграрном секторе ситуация выглядела на первый взгляд несколько лучше. Россия входила в число крупнейших мировых экспортеров зерна. Однако в начале XX в. ее начали теснить Соединенные Штаты и Аргентина. Кроме того, экспорт зерна проходил на фоне повторяющихся голодов в России. Аграрная реформа не была завершена и многие проблемы (выкупные платежи, обезземеливание) не были решены ни в 1861 г., ни в 1905 г. Реформа Столыпина дала противоречивые результаты. С одной стороны, она усилила расслоение в деревне, с другой, дала рабочие руки для растущей промышленности и обострила классовые противоречия в стране.

В финансовой сфере также наблюдались противоречия. Бюджет рос довольно быстро. За двадцать лет (к 1914 г.) вырос до 3 млрд золотых рублей. Была решена и проблема государственного долга. В 1906 г. Россия получила французский заем 2,250 млрд франков. Заем позволил решить проблемы, вызванные революцией 1905 г. И русско-японской войной. Денежное хозяйство России находилось в относительном порядке. С конца XIX в. действовал золотой стандарт и рубль был конвертируемым, привлекательным для инвесторов.

Однако несмотря на явный сдвиг в сторону бурного развития капитализма, в России процессы шли однобоко, неравномерно. Формирующаяся капиталистическая экономика не обеспечивала высокой технологичности, многие отрасли промышленности просто не существовали или находились в зачаточном состоянии (электромеханическая, производство летательных аппаратов, автомобилестроение и т.д.) [10, 12]. Реализация крупной программы обновления флота довольно серьезно зависела от поставок западного оборудования – артиллерийские дальнометы, средства связи, электрические генераторы, навигационное оборудование. Оборонная промышленность Российской империи в этот же период находилась в депрессии, что в значительной степени сказалось на тяжелом состоянии, в котором

вооруженные силы Империи оказались в начале войны. Россия развивалась неравномерно, рывками. Война усилила социально-экономическую напряженность, что в конечном итоге дало революционную ситуацию. Гражданская война усугубила ситуацию, умножив разруху в экономике, социальной сфере, в управлении.

Источники средств для индустриализации изыскивались исключительно внутри страны. Они в основном складывались из:

– доходов легкой промышленности и, главным образом, сельского хозяйства, перераспределяемых в пользу индустриальных отраслей;

– доходов от монополии внешней торговли колхозным и совхозным зерном, золотом, лесом, пушниной, частично другими товарами (например, предметами искусства, антиквариатом). На вырученную валюту в страну ввозилось новейшее технологическое оборудование для строящихся заводов (доля установленных на них импортных станков и другой техники достигала в годы первой пятилетки 80–85 %);

– значительно выросшего прогрессивного налога на нэпманов. Прямым следствием этого, по сути конфискационного налогообложения, дополненного прямым административным нажимом, стало полное свертывание в 1933 г. частного сектора в промышленности и торговле;

– средств, полученных за счет ограничения потребления городского и сельского населения (через увеличение подоходного налога и розничных цен на товары, существовавшую с 1928 по 1934 г. карточную систему их распределения, обязательные подписки на займы индустриализации и т.п.).

По валовому промышленному производству СССР вышел на второе место в мире – после США (тогда как Россия 1913 г. была пятой). Если в 1928 г. производство электроэнергии в СССР составляло 4 % от уровня США, то в 1940 г. – 26 %; чугуна соответственно 9 и 35 %; стали – 8 и 29 %; цемента – 6 и 25 %.

Интегральным показателем, отражающим глубинное содержание социально-экономического роста, является размер ВВП на душу населения. Этот показатель в СССР продемонстрирован в таблице.

Динамика показателя хорошо укладывается в экспоненциальную функцию (рис. 1).

Размер ВВП на душу населения в СССР, долл. США

1929 г.	1385,86
1930 г.	1448,42
1931 г.	1461,55
1932 г.	1438,99
1933 г.	1493,11
1934 г.	1630,14
1935 г.	1863,87
1936 г.	1990,64
1937 г.	2158,80
1938 г.	2149,73
1939 г.	2236,80
1940 г.	2143,65

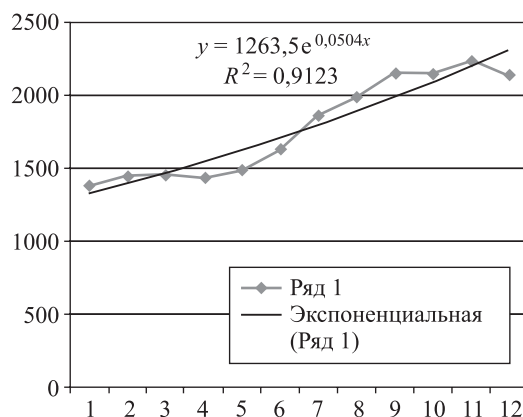

Рис. 1. Динамика ВВП на душу населения в СССР с 1928 по 1940 г.

Экономика Германии имела серьезные преимущества по сравнению с экономикой СССР. Первое и главное – это технологически развитая промышленность, не менее развитое сельское хозяйство, а также финансовая и банковская система, способная обеспечить эффективное финансирование производственных и социальных проектов.

Многие исследователи отмечали наличие четкой взаимозависимости между типом политического режима и динамикой экономического развития – в качестве критерия они принимали величину дохода на душу населения. Однако до сих пор не удалось установить, каким образом политический режим и экономика влияют друг на друга. Ныне принято считать, что именно политический режим определяет направления и тенденции экономического развития страны, а не наоборот, хотя такое мнение может считаться субъективным.

Мировой экономический кризис 1929–1933 гг. в Германии реализовался особенно глубоко. Промышленное производство сократилось почти на 50 %, выросла безработица (6 млн человек), разорились мелкие предприниматели и торговцы, уменьшилась заработная плата [24]. Правительства Г. Мюллера и Г. Брюнинга не смогли стабилизировать ситуацию. Этим воспользовался А. Гитлер. Нацисты нашли поддержку во всех слоях немецкого общества. На выборах в Рейхстаг национал-социалистическая рабочая партия Германии (НСДАП) впервые заявила о себе как общегерманская политическая сила. В 1932 г. коммунисты и социал-демократы могли сформировать коалиционное правительство, но взаимное недоверие разрушило эту возможность. Чтобы остановить экономический хаос и растущее влияние коммунистов и левых социал-демократов, немецкие промышленники и представители среднего класса сочли разумным передать власть А. Гитлеру. 30 января 1933 г. П. Гинденбург поручил А. Гитлеру сформировать новое правительство, назначив его рейхсканцлером.

Социальной базой движения стали все недовольные политическими реалиями и экономическими порядками Веймарской республики: ремесленники, мелкая буржуазия, крестьяне, ветераны войны, безработные, и главное – молодежь (треть членов НСДАП – люди моложе 30 лет). Таким образом, нацистское движение действительно опиралось на мощную социальную базу. Учитывая, что Германия 1930-х гг. – это практически нищее население, огромный внешний долг, гиперинфляция, безработица и т.д., об увеличении потребления населения и инвестициях предприятий можно было бы говорить в последнюю очередь. Увеличение совокупного спроса Германии было возможно лишь в сфере государственных расходов. Тем более что правящая партия не скрывала своего стремления к реваншу и сокрушению версальской системы. Экономика сосредоточивается на восстановлении военного потенциала. Германия ускоряла концентрацию промышленности, содействуя отраслям, укрепляющим национальное могущество. Правительство контролировало важнейшее сырье, электроэнергию, рабочую силу, кредит, а с 1936 г. перешло к планированию. Перед экономикой Германии были поставлены следующие задачи: 1) рост самообеспеченности; 2) перемещение стратегических отраслей из пограничных районов в центральные; 3) увеличение мощности стратегических отраслей; 4) рационализация промышленной организации и техники. Результатом стал рост за 1936–1938 гг.

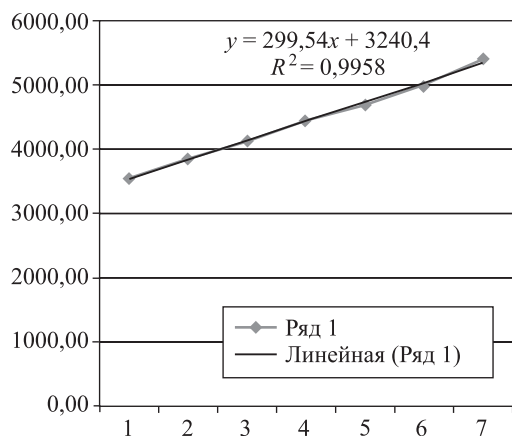

Рис. 2. Динамика ВВП на душу населения в Германии с 1933 по 1939 г.

промышленного производства на душу населения на 14 %, инвестиций – на 71 %. Для координации экономики в масштабе всей страны был создан Генеральный совет германского хозяйства. Его состав ярко отражал классовую сущность нацистской диктатуры: в числе 16 членов в нем было 9 крупных монополистов, 4 крупных банкира и 2 крупных агрария.

Правительство пролоббировало закон, предусматривающий принудительное картелирование мелких предприятий. В первую очередь оно было проведено в металлургической промышленности. Общее число картелей неуклонно росло: с 2000 в 1925 г. до 2200 в 1935 г. и до 2500 в 1936 г. Число акционерных обществ уменьшилось, поскольку ликвидировались все общества с капиталом менее 100 тыс. марок и запрещалось образование новых с капиталом менее 500 тыс. марок. Если в 1932 г. было 9634 акционерных общества, то в 1933 г. их число уменьшилось до 9184, а в 1934 г. – до 8618. Но зато увеличился капитал наиболее могущественных из них [24].

Главнейшим шагом на этом пути стал закон о подготовке органического построения германской экономики от 27 февраля 1934 г. Закон внес коренные изменения в управление экономикой, распространив на нее принцип фюрерства. На рис. 2 показана динамика ВВП Германии на душу населения с 1933 по 1939 г. Сравнивая динамику показателя для СССР, видим, что рост показателя Германии существенно ниже и хорошо моделируется линейной зависимостью.

Сравнительный анализ методов, содержания, направлений и динамики экономического развития СССР и нацистской Германии в течение 30-х гг. XX в. позволяет констатировать принципиальные различия как по целям, так и по сути экономической политики двух государств.

Бесспорной, на наш взгляд, целью мобилизационного развития экономики Германии в 1930-е гг. явилась подготовка к масштабной войне за «жизненное пространство» для нацистского рейха. Преодоление последствий мирового кризиса для национальной экономики и стабилизация экономического положения значительных масс немецкого населения явились побочным результатом такой политики. Более того, тенденции поворота к автаркической модели, становившиеся все более очевидными к концу десятилетия, несли с собой условия для снижения уровня жизни населения и ухудшения условий для успешного экономического развития Германии. Процветание и благоденствие «расе господ» было обещано режимом как итог покорения славянских «недочеловеков» и постановки на службу Рейху всех материальных, природных и людских ресурсов покоренных территорий. Именно на такой подлой базе нацизму удалось добиться невиданной консолидации немецкой нации перед началом Второй мировой войны.

Таким образом, мы констатируем, что идеологическое целеположение экономического развития двух государств было диаметрально противоположным.

Принципиально важной представляется также констатация того факта, что ускоренное развитие СССР целиком опиралось на собственные национальные ресурсы. Нацистская Германия активно использовала, по крайней мере, до второй половины десятилетия инвестиционные ресурсы и стратегически важные наработки НИОКР «цивилизованного» Запада, прежде всего США.

Огромный разрыв в уровне социально-экономического и научно-технического развития Германии и СССР predetermined коренные различия в методах мобилизации экономического потенциала, в эффективности и разнообразии использовавшихся для этого обоими режимами средств. В результате имеем парадоксальную картину: уровень эффективности подготовки Германии к войне был значительно выше, чем у СССР. Вместе с тем степень централизации, общественной мобилизации (включая и репрессивные меры), жесткости и жестокости в реализации намеченных мер была несравнимо выше в СССР. Именно это вкупе с колоссальным экономическим потенциалом страны позволило СССР выстоять и победить в схватке с нацизмом. Огромную роль сыграл и тот факт, что советский народ, в отличие от одурманенных нацизмом немцев, мобилизовался на борьбу за благородные цели, как бы теперь не пытались некоторые эксперты это оспорить.

Литература

1. *Гэлбрейт Дж.К.* Великий крах 1929 года. Минск: Попурри, 2009. 256 с.
2. *Гэлбрейт Дж.К.* Экономические теории и цели общества. М.: Прогресс, 1976. 408 с.
3. История второй мировой войны 1939–1945 гг. Т. 1. Зарождение войны. Борьба прогрессивных сил за сохранение мира. М.: Воениздат, 1973.
4. *Кравченко Г.С.* Военная экономика СССР 1941–1945 гг. М.: Воениздат, 1963.
5. *Крылов А.Н.* Мои воспоминания. Л.: Судостроение, 1984.
6. *Любин В.П.* Изучение тоталитаризма: вклад Эрнста Нольте // *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз.* 2007. № 1.
7. *Мартин Д.* Братство бизнеса. М.: Иностранная литература, 1951.
8. *Нольте Э.* Европейская гражданская война (1917–1945). Национал-социализм и большевизм. М.: Логос-М, 2003.
9. *Нольте Э.* Фашизм в его эпохе. Аксьон Франсэз. Итальянский фашизм. Национал-социализм. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. 568 с.
10. *Норден А.* Уроки германской истории. М.: Государственное издательство иностранной литературы, 1948.
11. *Примоленый П.Н., Сабадаш В.В.* Экономика Германии накануне Второй мировой войны: «экономическое чудо» или «экономика диктатуры»? // *Механизм регулирования экономики.* 2009. Т. 1. № 3. С. 228–245.
12. *Пономарев М.В.* История стран Европы и Америки в новейшее время. М.: Проспект, 2010.
13. За рамками тоталитаризма. Сравнительные исследования сталинизма и нацизма / под ред. М. Гейера и Ш. Фицпатрик. М.: РОСПЭН, 2011.
14. *Сталин И.В.* О задачах хозяйственников. Т. 13. М.: ГПИ, 1951.
15. XIV съезд ВКП (б). Стенографический отчет. М.: Госиздательство, 1928.

16. Congressional Record. Vol. 89. Pt. 7. Washington, 1943.
17. *Nolte E.* Die Krise des liberalen Systems und die faschistischen Bewegungen. München, Piper Verlag, 1968, 1-e, Linnen, 475 p.
18. *Tenenbaum J.* American Investments and Business Interests in Germany. New York.
19. The Nazi census : identification and control in the Third Reich / Götz Aly ; Karl Heinz Roth. Transl. and with a foreword by Edwin Black. With additional transl. by Assenka Oksiloff.
20. <http://www.ernst-nolte.de/>
21. <http://militera.lib.ru/h/12/01/index.html>
22. <http://mysteriouscountry.ru/wiki/index.php>
23. <https://www.quandl.com/data/NBER?keyword=germany%201913>
24. <https://www.quandl.com/data/MADDISON?keyword=ussr%201913>

Bibliography

1. *Gjelbrejt Dzh.K.* Velikij krah 1929 goda. Minsk: Popurri, 2009. 256 p.
2. *Gjelbrejt Dzh.K.* Jekonomicheskie teorii i celi obshhestva. M.: Progress, 1976. 408 p.
3. Istorija vtoroj mirovoj vojny 1939–1945 gg. T. 1. Zarozhdenie vojny. Bor'ba progressivnyh sil za sohranenie mira. M.: Voenizdat, 1973.
4. *Kravchenko G.S.* Voennaja jekonomika SSSR 1941–1945 gg. M.: Voenizdat, 1963.
5. *Krylov A.N.* Moi vospominanija. L.: Sudostroenie, 1984.
6. *Ljubin V.P.* Izuchenie totalitarizma: vklad Jernsta Nol'te // Politija: Analiz. Hronika. Prognoz. 2007. № 1.
7. *Martin D.* Bratstvo biznesa. M.: Inostrannaja literatura, 1951.
8. *Nol'te Je.* Evropejskaja grazhdanskaja vojna (1917–1945). Nacional-socializm i bol'shevizm. M.: Logos-M, 2003.
9. *Nol'te Je.* Fashizm v ego jepohe. Aks'on Fransjez. Ital'janskij fashizm. Nacional-socializm. Novosibirsk: Sibirskij hronograf, 2001. 568 p.
10. *Norden A.* Uroki germanskoj istorii. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannoju literatury, 1948.
11. *Primolennyj P.N., Sabadash V.V.* Jekonomika Germanii nakanune Vtoroj mirovoj vojny: «jekonomicheskoe chudo» ili «jekonomika diktatury»? // Mehanizm reguljivannja ekonomiki. 2009. T. 1. № 3. P. 228–245.
12. *Ponomarjov M.V.* Istorija stran Evropy i Ameriki v novejshee vremja. M.: Prospekt, 2010.
13. Za ramkami totalitarizma. Sravnitel'nye issledovanija stalinizma i nacizma / pod red. M. Gejera i Sh. Ficpatrik. M.: ROSPJeN, 2011.
14. *Stalin I.V.* O zadachah hozjajstvennikov. T. 13. M.: GPI, 1951.
15. HIV s#ezd VKP (b). Stenograficheskij otchjot. M.: Gosizdatel'stvo, 1928.
16. Congressional Record. Vol. 89. Pt. 7. Washington, 1943.
17. *Nolte E.* Die Krise des liberalen Systems und die faschistischen Bewegungen. München, Piper Verlag, 1968, 1-e, Linnen, 475 p.
18. *Tenenbaum J.* American Investments and Business Interests in Germany. New York.
19. The Nazi census : identification and control in the Third Reich / Götz Aly ; Karl Heinz Roth. Transl. and with a foreword by Edwin Black. With additional transl. by Assenka Oksiloff.
20. <http://www.ernst-nolte.de/>
21. <http://militera.lib.ru/h/12/01/index.html>
22. <http://mysteriouscountry.ru/wiki/index.php>
23. <https://www.quandl.com/data/NBER?keyword=germany%201913>
24. <https://www.quandl.com/data/MADDISON?keyword=ussr%201913>